

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

РЕШЕНИЕ НОМЕР ТРИ

Владимир Дмитриевич Михайлов

Джокеры Марса

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165349
Решение номер три: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-12392-X

Владимир Михайлов

Джокеры Марса

Теперь, чтобы улететь с Марса, выстраиваются очереди – потому что, как всегда было в земной практике, спрос опережает предложение, в том числе и тогда, когда речь идёт о транспортных услугах. И это несмотря на то, что за последний год число рейсов увеличилось вдвое. Раньше корабли уходили на Землю недогруженными, сейчас стартуют забитыми под завязку, так что желающим улететь приходится начинать хлопоты заблаговременно. То же самое относится и к отправке грузов, включая личный багаж. Конечно, всё могло бы выглядеть иначе, если бы на линию поставили ещё хотя бы два корабля, а на Марсе увеличили штат таможенников; жизнь настоятельно требовала таких перемен – но всем известно, что любое решение должно вызреть, а зреет оно долго.

Люди, трезво оценивающие обстановку, стараются провести свой груз через марсианскую таможню заблаговременно: лучше пусть потом полежит какое-то время на складе космодрома, чем оказаться в ситуации, когда за час до отлёта на таможне тебе заявят: «Досмотреть сможем не раньше чем послезавтра». Это может привести к тому, что своё убытие придётся отложить; есть, разумеется, и другой вариант, всем понятный, но он ведёт к немалым расходам, которые никто

не компенсирует. Нет уж, куда лучше пройти досмотр заранее, в один из тех немногих дней, когда после очередного старта натиск на таможенную ослабевает.

Зеро Худог принадлежал к людям предусмотрительным. И свой багаж – весьма увесистый контейнер – привёз на таможенную ровно на две недели раньше, чем мог бы. Один контейнер из тех двух, с какими предыдущим рейсом прилетел на красную планету, – как он указал в иммиграционном листке, «для совершения деловых операций в области торговли произведениями искусства».

Он рассчитал правильно: не прошло и двух часов, как его транспортируемое имущество было не без усилий водружено на таможенную стойку, и начался неизбежный в подобной обстановке диалог – после того, разумеется, как инспектор ознакомился с декларацией:

– Итак, что вывозим?

– По-моему, в декларации всё перечислено. Не так ли?

– Хотелось бы услышать подтверждение от вас самого. Чтобы потом не оказалось, что декларацию заполняли не вы лично, а кто-то другой по вашей просьбе, и этот другой что-то упустил или, наоборот, добавил...

– Ну, что же, – согласился Зеро Худог, – в вашем рассуждении есть свой резон. Готов подтвердить: декларация заполнена лично мною и в контейнерах содержится именно то, что в ней поименовано.

– И ничего сверх того?

– Гм, – сказал Зеро. – Надеюсь, что ничего.

– Кажется, вы не совсем в этом уверены? – насторожился таможенник.

– Я человек опытный, – заявил Зеро Худог. – Багаж подготовлен мною к отправке ещё два дня тому назад. Эти два дня он хранился в кладовой отеля «Порт-Арес», и, как вы понимаете, я не сидел всё это время там на привязи: у меня оставалась ещё куча дел. Однако, поскольку контейнеры были заперты и замки не нарушены, полагаю, что никто ничего мне не подсунул. Хотя вы лучше меня знаете, что порой такое случается. Но не со мной, надеюсь.

– В этом-то всё и дело, – подтвердил инспектор. – И поэтому, для вашего и нашего спокойствия, вынужден просить вас открыть этот ваш сундук.

– Боюсь, инспектор, – сказал Зеро Худог, – что это будет лишней потерей времени. Уверяю вас...

– Тем не менее я настаиваю.

– Ну что же, – пожал Зеро плечами. – Если это развлечет вас...

И, вынув из кармана кошелёчек с карточками, выбрал одну из них, вставил в скважину и нажал замочную кнопку.

– Господь Вседержитель! – не сдержался таможенник, одновременно закрывая уши ладонями. – Это ещё что?

Вопль этот, звучавший на пределе громкости, всё же не смог заглушить адский вой, мгновенно заполнивший весь таможенный зал.

– Теперь вы понимаете, – не без иронии проговорил Зеро Худог, когда вой прекратился столь же внезапно, как и начался, – что мне трудно что-нибудь подложить без моего ведома?

– Не факт, – ответил таможенник. – Любой профессиональный взломщик сумел бы без особого труда...

Не договорив, он вытянулся и по-военному поднёс руку к козырьку:

– Инспектор Бобис, директор. Нахожусь при исполнении служебных...

– Вижу, – прервал его подошедший. – Что тут у вас за кошачий концерт? От такого шума можно с ума сойти. Это таможня, Бобис, а не молодёжная дискотека где-нибудь на Старой планете. Ну?

– Это моя вина, директор, – покаялся Зеро Худог. – Инспектор попросил открыть контейнер, а все мои замки – с защитой. Я понимаю, это несколько старомодно, слишком мало кваркотроники, скрытой съёмки и тому подобного. Но действует безотказно, поверьте опытному путешественнику. И ломается только вместе с кораблём, никак не раньше.

Директор таможни немного подумал, прежде чем признать:

– Это не противозаконно, хотя и противно. Инспектор, вы уже посмотрели, что пассажир охраняет столь тщательно? Понимаю, что ещё нет – ведь замок только что сработал. Ну, что же – мне и самому стало интересно. Уважаемый владе-

лец, раз уж мы стойко перенесли вашу акустическую пытку, может быть, порадуете нас интересным содержанием? Интуиция подсказывает мне, что подобные концерты не устраивают без серьёзной причины.

– Если вы хотите меня обидеть, директор, – откликнулся Зеро Худог, – то вам не повезло: я не из тех, кто обижается по пустякам. Смотрите, ради бога: за погляд, как говорится, денег не берут – тем более с чиновников. Скорее уж наоборот. Прошу вас, не принимайте это за намёк.

И плавным, можно даже сказать, элегантным движением руки он откинул тяжёлую крышку.

– Бобис? – вопросительно произнёс директор.

– Да, разумеется, директор. Вот декларация. Сравниваем. Итак: «Сувениры марсианские» – розовая галька с бывшего морского дна, не обработанная, сто двадцать четыре предмета, общий вес – шестнадцать килограммов...

– Стоп. Вывозной сертификат?

– Конечно же, директор, – поспешил Зеро. – Вот, пожалуйста.

– Покажите. Так, с этим порядок. А свидетельство о стерилизации? Если вы не позаботились...

– Думаете, я не знаю порядков? Вот, будьте добры, ознакомьтесь.

– Ну-ка... Так. Хорошо. Вывозится законно. Это всё?

– Ещё нет. Тут дальше стоит: «Марсианские пейзажи. Виды пустыни. Кратеры. Горная страна». Живопись светящи-

мися красками на плоских обломках вулканических пород, сверху покрытых нерастворимым лаком земного производства. Восемьдесят два предмета, общий вес...

– Подробности не обязательны. Сертификат? Стерилизация? Предъявите. Так. Покажите эти пейзажи. Нет ли среди них изображений космодрома и иной инфраструктуры «Освоения»? Вы в курсе того, что изображать можно, помимо природы, только жилые объекты, но никоим образом не...

– Можете поверить мне на слово, директор...

– Не могу: эту способность я утратил давным давно. Покажите мне.

– Для этого придётся выгрузить всю гальку...

– Если бы вы начали сразу, то выгрузили бы уже половину.

Не заставляйте нас ждать попусту.

– Ну, если вы настаиваете...

И Зеро Худог, печально вздохнув, принялся выгружать плотные мешочки с галькой.

– Ну, вот вам пейзажи, директор.

– Инспектор, просмотрите их с первого до последнего. А вы, пассажир, будьте настолько любезны – развяжите ну вот хотя бы этот мешочек. Хочу посмотреть, как эта галька выглядит. Я до сих пор так и не нашёл времени побывать на сухом дне.

– Вы и в самом деле хотите?..

– Разве я выразился неясно?

– Да пожалуйста! Сделайте одолжение! Сколько угодно. Этот мешочек? Натё! А может быть, ещё и вот этот? И тот – хотите? А если все подряд?

– А что вы, собственно, нервничаете? С чего бы?

– Гм. Простите, директор. Знаете, Марс плохо действует на меня. Что-то тут есть такое...

– Это вы говорите?! Что же можем сказать мы, после стольких лет безвылазного сидения здесь?

Признавая это, директор запустил пальцы в мешочек, ощупью перебирая округлые камушки, приятно холодившие кончики пальцев: в таможенном зале, вопреки громкому названию, представлявшему собой всего лишь не очень большую комнату, было тепло, почти жарко. Ощущение удовольствия заставило чиновника даже закрыть глаза и – бессознательно, наверное – приподнять уголки рта в лёгкой улыбке...

И вдруг всё исчезло: лоб нахмурился, веки взлетели до предела, взгляд упёрся в Зеро Худоба, а пальцы извлекли из мешочка нечто, на гальку не совсем походившее, а ещё точнее – совершенно не похожее:

– Ну-с, пассажир, а это, по-вашему, что такое? Галька? Право же, очень странная галька, вам не кажется? Посмотрите, инспектор!

И в самом деле, на обкатанный водой, пусть и миллионы лет назад, камушек предмет, вытасненный директором из мешочка, никак не походил.

Это был кусочек марстекла – марсианского вулканическо-

го стекла – во всяком случае, этот минерал официально было принято считать именно вулканическим стеклом, хотя он и не вполне совпадал с земным обсидианом. Но главное сейчас скорее всего заключалось в том, что этот природный продукт был, несомненно, обработан не древней водой, но инструментом, то есть, безусловно, являлся артефактом. И если марстекло, даже необработанное, для вывоза было строго запрещено, то изделия из него, среди которых попадались даже продукты творчества древних, давно исчезнувших с лица планеты марсианских рас, и подавно. Изделия эти, представлявшие на Земле невероятную ценность для учёных, а ещё большую – для коллекционеров, считались достоянием Губернаторства, и попытка вывести хоть одно из них с планеты без правительственной лицензии являлась серьёзным нарушением закона; а лицензии на такой вывоз вообще не выдавались.

– Оч-чень интересно, пассажир, не так ли? – В голосе директора прозвучал откровенный сарказм. – Это, по-вашему, розовая галька? Значит, я заболел дальтонизмом, потому что мне этот цвет представляется тёмно-зелёным, а в глубине переходящим в красный. И кроме того, как это природа ухитрилась обработать этот осколок в форме архаического челна, в котором сидит представитель марсианской расы, исчезнувшей много-много лет назад вместе с водой и прочей жизнью?

– Что это вы там нашли? – очень естественно удивился Зеро Худог. – Действительно, интересная вещичка. Кстати,

я вижу её впервые. Вы уверены, директор, что она действительно была там?

– Вы что же, хотите сказать, что...

– Да ничего я не хочу сказать – кроме того, что и так бывает: застряло что-нибудь у вас в рукаве от предыдущего досмотра, а сейчас вот выпало. Нет, я ни в коем случае не собираюсь предполагать, что кто-то из моих конкурентов захотел подстроить мне ловушку...

– Довольно! – возмущение так и клокотало в голосе директора. – Бобис! А ну-ка, давайте досмотрим эти мешочки как следует!

Быть может, в ближайшие четверть часа Зеро Худог искренне пожалел, что затеял сдавать багаж в ту пору, когда таможенники располагали лишним временем. Потом сожалеть стало уже некогда: на прилавке возвышались две неравные кучки, большая из которых состояла из несомненной и разрешённой к вывозу розовой гальки, зато меньшая – увы, увы! – была целиком сложена из разнообразных фигурок явно рукотворного происхождения, изготовленных из криминального марстекла.

– Любопытная картина, уважаемый пассажир, не правда ли? – На этот раз в голосе директора слышалось ликование. – Ну что же – будете по-прежнему настаивать на том, что всё это высыпалось из моего рукава? Или, может быть, у вас есть запасная, столь же правдоподобная версия? Поделитесь же ею! Но при этом не упускайте из виду, что сейчас вы нахо-

дитесь уже в поле уголовной ответственности – со всеми вытекающими последствиями. И ваш отлёт с Марса становится, не побоюсь предположить, весьма и весьма проблематичным. Контрабанда – полагаю, вы слышите это слово не впервые, а?

Зеро Худог, однако, вовсе не выглядел потерпевшим сокрушительное поражение. И в голосе его звучала безмятежность, когда он сказал:

– Если даже предположить, директор, что всё это действительно принадлежит мне и что я намерен был вывезти это с целью реализации на Земле – какое отношение всё это имеет к контрабанде, которую вам так хочется усмотреть в моих действиях? Как вам известно, всё марстекло, какое только было обнаружено на планете с первых дней её освоения, находится в ведении команды генерал-губернатора и содержится в сейфах Палаты Древностей. Всё до последнего осколка. Не поленитесь навести справки – и вам авторитетно ответят, что и сию секунду все они по-прежнему находятся там, поскольку даже учёным разрешается работать с ними только в стенах этой Палаты. Что касается меня – я к ней и близко не подходил. Где же, по-вашему, я мог бы разжиться подобным количеством таких раритетов?

– Этим пусть занимается следствие, – ответил директор тоном победителя. – И если оно даже установит, что к Палате вы действительно не приближались и даже не вступали в какие-либо контакты ни с кем из её персонала – не исключено,

что ему удастся другое: найти вас среди экскурсантов, посещавших хотя бы Верхние Пещеры, откуда не так уж сложно добраться и до...

– Ну, а если бы и так – какой в этом криминал?

– Никакого, согласен. Однако экскурсоводы по Пещерам не имеют полицейского опыта. И хотя им известно, что ни один экскурсант не имеет права даже приближаться к ходам, ведущим в Средние пещеры, а уж оттуда и в Нижние, они могли и не заметить – это ведь всё-таки пещеры, а не музейные залы и по планировке, и по освещению – так вот, они, повторяю, могли и не заметить, как один, а может быть, и не один экскурсант приотстал и углубился в запретный коридор – с тем, чтобы там встретиться с кем-либо из представителей Нижнего Народа...

– Помилуйте, директор! Человеку, впервые попавшему в Пещеры, для этого понадобилось бы не менее суток – а экскурсии продолжаются не более двух часов каждая, и если не раньше, то уж на выходе отсутствующего обязательно хватились бы. Как я слышал, за всё время посещения Пещер не было ни единого подобного случая. Вас удивляет уровень моей осведомлённости? Но таков мой стиль: прежде чем наведаться куда-либо, я тщательно изучаю...

Директор, усмехнувшись, покачал головой:

– Уважаемый пассажир, вся ваша аргументация может убедить разве что наивного дилетанта. Надеюсь, нас вы такими не считаете? Полагаю, что нет. А поэтому позвольте

несколько пополнить ваши знания о Пещерах. Хотя сомневаюсь, что это вам пригодится, не могу отказать себе в таком удовольствии, поскольку по своему характеру я – прежде всего просветитель. Так вот, когда рухнули все гипотезы относительно обитаемости Марса и был установлен первый контакт с Нижним Народом...

– В двести восьмом году, если не ошибаюсь?

– Гм... Вот именно, в двести восьмом. Тогда же завязались и первоначальные торговые отношения с аборигенами. Их заинтересовали в первую очередь наши консервы, пищевые концентраты; с продовольствием у них там, в недрах, скудно, из растительной – какие-то грибы, у наших от одного взгляда на них начинаются рези в животе, бледные такие грибы, скользкие, вонючие... да впрочем, там всё такое – бесцветное, вечная же темнота... Ну, а из животного мира – водятся насекомые, черви, кажется, четыре или пять видов, эти нижние их едят; и ещё – в тёплых озёрах какая-то фауна, не рыбы и не земноводные, а членистоногие, которых народец тоже ловит. Это, пожалуй, всё, что уцелело...

Похоже, рассказ о Нижнем Народe увлёл самого директора, и он не собирался прерывать свою лекцию. Инспектор Бобис, видимо, выслушивал это уже не впервые – пока директор ораторствовал, инспектор позволил себе даже отлучиться – для того, быть может, чтобы успокоить уже возникшую, хотя пока и небольшую очередь таких же предусмотрительных, как и Зеро Худог, кандидатов на досмотр. Когда

инспектор вернулся, директор, покосившись на него, сообщил, видимо, что пора закругляться: служба есть служба.

– Кроме того, интересовала их и одежда: раньше что-то ещё росло в Средних пещерах – наподобие нашего льна, из чего можно было выделять волокно и ткать; но уже сотни лет, как эта растительность вымерла – регресс забирается всё глубже, ничего не поделаешь; пока ещё они могут ходить там почти голыми: тепло всё-таки, кора планеты не очень мощная, и мантия недалеко; но всё же они очень сильно захотели обзавестись нашими нарядами, да. А поскольку основные правила экономики в сознании Нижних уцелели со времён Внешней цивилизации и они вовсе не считают себя вымирающей расой, которую кто-то должен содержать из милости, – они и предложили нам в обмен на продовольствие и одежду единственное, что они ещё в состоянии изготавливать, подражая своим древним предкам: такую вот резьбу по марстеклу. Возможно, у них эти вещички являются культовыми, мы ведь о них пока практически ничего не знаем, на более открытые отношения они не идут – но так или иначе, поняв, что их товар нас интересует, они стали достаточно регулярно поставлять его. И в этом смысле они на планете монополисты – видимо, единственный источник минерала находится где-то там глубоко внизу, куда нам вход заказан.

Директор звучно откашлялся, как бы давая понять, что возвращается к основной теме разговора – к теме, для пассажира не очень приятной:

– Итак, уважаемый пассажир, теперь вам ясно, почему торговля с Нижним Народом является прерогативой Губернаторства, а никак не частных коммерсантов, которым даже сами контакты с Нижними запрещены, хотя обитатели недр не только с охотой идут на такие контакты, но нередко и сами стараются их установить, как, вероятнее всего, и произошло в данном случае с вами; и – почему вывоз таких изделий с планеты лицензирован; и наконец – почему я вынужден сейчас, во-первых, конфисковать обнаруженную в вашем багаже контрабанду в пользу Губернаторства, и во-вторых – задержать вас и передать Службе законности, которая, без сомнения, не промедлит с возбуждением уголовного дела. Да, друг мой, дела обстоят именно так, нравится это вам или нет.

Наверное, по логике событий следовало ожидать, что уличённый в противозаконном деянии Зеро Худог хотя бы смутится и примется упрашивать таможенника проявить душевное благородство, милосердие, широту взглядов, простить первый в жизни и вызванный лишь неполным знанием местных законов проступок, смирится с изъятием из багажа криминального товара и даже – для большей убедительности – предложит денежную компенсацию того морального ущерба, который таможенники, несомненно, понесли в результате столкновения со столь грубой попыткой провести за нос честных охранителей государственных интересов. Да, следовало ожидать.

На самом деле, однако, ничего подобного не произошло. Скорее наоборот. Зеро Худог с видимым интересом выслушал всё, что рассказал ему директор таможни; когда чиновник перешёл к квалификации совершённых владельцем багажа проступков, на лице пассажира возникло подобие улыбки, и чем дальше, тем она становилась откровеннее. А когда директор наконец умолк и можно стало вставить реплику, Зеро не преминул воспользоваться этой возможностью. Всё так же улыбаясь, он проговорил:

– Уважаемый директор, я слушал вас, поверьте, с неослабевающим интересом. И понял всё, что вы мне поведали, за исключением лишь одного: какое отношение всё сказанное имеет ко мне? И к моему багажу?

– То есть как? – опешил директор, и на лице его возникло выражение растерянности.

– Предельно просто. Всё, сказанное вами, касается продуктов местной культуры, изготавливаемых мастерами Нижнего Народа в глубоком карсте, не так ли?

– Ну, именно так. Но...

– Вот именно – «но», дорогой директор. Позвольте задать вам один-единственный вопрос. Где же вы, директор, усмотрели в моём багаже продукцию такого рода?

– То есть как?! А вот это всё? – и директор ткнул пальцем на меньшую кучку предметов. – Что это, по-вашему?

Теперь уже Зеро улыбался до ушей, говоря:

– По-моему, эти предметы являются тем, что они есть на

самом деле. И дай вы себе труд подвергнуть их внимательному осмотру, вы и без моей подсказки убедились бы в том, что это не имеет к запрещённому вывозу никакого отношения, но является продукцией существующей в одном из наших поселений и состоящей целиком из иммигрантов с родной Земли артели, зарегистрированной под громким именем «Ареопаг» и занимающейся исключительно изготовлением марсианских сувениров с целью продажи их на Землю. В составе этой их продукции определённая часть представляет собой копии подлинных изделий местной расы; но материалом поделок ни в коем случае не является природное марстекло, но всего лишь обычное стекло, изготовленное по земной технологии с добавлением нужных пигментов. Стекло это действительно имеет внешнее сходство с местным минералом, однако даже самый примитивный анализ покажет вам, что в стекле этом полностью отсутствуют те редкоземельные элементы, которые и придают природному марстеклу неповторимые свойства. Иными словами, глубокоуважаемый директор, мы тут имеем дело всего лишь с имитацией – это даже не подделка, поскольку никто и не выдаёт эти изделия за оригиналы, не выдаёт здесь, во всяком случае, а как это будут именовать те, кто реализует товар на Земле, – это уже не наше с вами дело, не так ли? Это уже проблемы земной Торговой инспекции. Что же касается законности, то этот товар никогда и никоим образом не запрещался к вывозу, напротив, Губернаторство заинтересовано в расшире-

нии этого промысла, как и в любом расширении производства на Марсе чего бы то ни было. Полагаю, что вам это известно лучше, чем мне. На основании всего сказанного решаюсь сделать вот какой вывод: не произошло ни малейшего нарушения закона и, следовательно, нет ровно никаких оснований ни для конфискации хотя бы части моего багажа, ни тем более для ограничения моей свободы и возбуждения какого-либо уголовного дела – по обвинению ли в попытке контрабанды или по какому угодно другому поводу. Вот так. А теперь, директор, попробуйте опровергнуть хотя бы один аргумент из выдвинутых мною!

И Зеро, достав белоснежный платочек, аккуратно вытер губы.

Похоже, заключительную часть его защитительной речи директор слушал уже не столь внимательно, как начало; он уже всю разглядывал извлечённые из кучки сувениры – один, другой, третий, сначала простым глазом, потом извлёк из кармана лупу и воспользовался ею. Видимо, пристальное изучение объектов спора завершилось не в его пользу; так или иначе, нервным движением передав лупу инспектору и пододвинув кучку изделий к нему, директор ухватился, казалось, за последнюю соломинку:

– Однако же вы не заявили наличие этих изделий в декларации! Разрешите поинтересоваться: почему же?

Зеро Худог нимало не смутился:

– Вы, боюсь, не совсем внимательно прочитали её. Мне

просто не хватило места, и пришлось дописать после «розовой гальки» слова «и другие сувениры местного производства» мелко-мелко, на нижнем поле бланка. Вот, видите? Да посмотрите сюда!

– Ну, знаете ли! Эти слова почти и не видны совсем.

– К сожалению, у меня кончились чернила. Однако я надеялся, что вы будете не только внимательно досматривать мой багаж, но прежде не менее внимательно ознакомитесь с декларацией.

– Могли хотя бы попросить ручку у инспектора! – проворчал директор. Но эти слова были и инспектором, и пассажиром правильно восприняты, как признание высоким чиновником собственного поражения. – Хорошо, грузите всё обратно. Но если в следующий раз...

– Безусловно, в следующий раз я специально заправлю ручку.

Говоря это, Зеро Худог быстро ссыпал в мешочки и гальку, и имитации. Аккуратно разместил мешочки в контейнере. Закрыв крышку и запер замок. На этот раз обошлось без звукового сопровождения.

– Готово, директор. Могу я попросить вас наклеить соответствующий ярлык о совершённом досмотре и распорядиться о помещении багажа на ваш склад – до первого же рейса на Землю?

Будь тут хоть какая-нибудь причина для отказа, директор наверняка воспользовался бы ею. Но такого повода не на-

шлось, и он со вздохом проговорил:

– Разумеется, уважаемый пассажир, поскольку всё это не противоречит нашим правилам.

– И ещё одна просьба – на этот раз последняя. Могу ли я проследить, где и как мой багаж будет размещён на складе?

– А зачем это вам?

– Для верности. Однажды у меня уже был такой случай: багаж запихнули куда-то в самый дальний угол, а когда пришла пора грузить его на борт, никак не могли найти, так что я чуть не отстал от корабля. Пришлось даже на десять минут задержать старт, что стоило денег; правда, потом я по суду получил достойную компенсацию – за счёт таможенной службы. Это было не здесь, разумеется, а на Луне. Но, как сказано, пуганая ворона и куста боится.

Похоже, скрытое предупреждение о возможных осложнениях – и для репутации таможни, и для кошелька – было воспринято директором правильно, так что он лишь махнул рукой:

– Идите за инспектором, он скажет кладовщику, вас пропустят.

После чего Зеро Худог удалился наконец вместе со своим багажом исполненной достоинства поступью.

Сопровождаемый кладовщиком, Зеро неспешно шагал по длинному складскому помещению, уставленному стеллажами, которые отнюдь не пустовали. Хотя здраво рассуждая,

что такого было на Марсе, что стоило бы переправлять на Землю, в особенности учитывая, в какую копеечку транспортировка обходилась. Однако не зря же люди прилетали сюда; и если в первые годы освоения то были в основном учёные и самые оголтелые из путешественников, то сейчас корабли доставляли на поверхность соседа Земли преимущественно коммерсантов, геологов-разведчиков (сами себя они, впрочем, предпочитали называть ареологами, успешно отвоевав этот термин у астрономов), искателей приключений и разных других представителей наиболее динамичных слоёв общества. И все они находили тут что-то такое, что требовалось отправить на Землю – начиная с образцов руд и кончая хотя бы написанными тут полотнами, среди которых, наряду с неизбежными пейзажами в горячих тонах, имелось немало картин на историческую тему, на которых были запечатлены узловые эпизоды древней цивилизации. Авторов, похоже, нимало не тревожило то обстоятельство, что ни о цивилизации этой, ни, следовательно, об её истории не было известно ничего и никому. Впрочем, не писалась ли и история земного человечества подобным образом? Скорее всего именно так. К отправке предназначались и живописные, а также фото – и голографические изображения тех немногих представителей Нижнего Народа, с которыми удавалось изредка, всякими правдами и неправдами, установить контакт. На Земле эта продукция пользовалась наибольшим спросом и была в цене. Соответственно недёшево обходились здесь,

на Марсе, и губернаторские лицензии на контакт с туземцами – иначе вниз было не попасть; следует отметить прискорбный факт – из денег, которые уплачивались за такую возможность, в казну не поступало ровно ничего – а впрочем, землянам ли было удивляться этому? В конце концов, однажды возникнув, жизнь везде должна развиваться по одним и тем же законам, не правда ли?

– Вот здесь и расположим ваш баульчик, – проговорил кладовщик, останавливаясь и указывая на свободное место на стеллаже.

– М-м... – протянул Зеро. – Не слишком ли в угол вы меня запираете? Потом, чего доброго, и не найдёшь сразу...

– Да что вы! – кладовщик, казалось, даже обиделся. – Это вам показалось потому, что далековато от досмотрового зала. Ну и что? Выносить на погрузку ведь будут не через зал.

– Вот как? А где же?

– А вот воротца прямо на стартовое поле. В двух шагах. Видите? А вы решили, что я своего дела не знаю, а?

– Да, действительно. Извините, почтенный. Совсем близко. А как там с...

И Зеро Худог, не дожидаясь ответа и даже не закончив вопроса, направился к воротцам.

– Простите, – проговорил кладовщик, – там выйти не удастся. Этот ход открывается только при погрузке-выгрузке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.